

Мас. 1358-8

Дон-Б. (В. А. Лашков)

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Городской театр.

С. И. Сычевский во вчерашнем номере «Одесского Вестника» далъ оценку очень мѣткую и нелицеприятную (въ поученіе петербургской прессѣ) театраль- ной новинки минувшаго сезона—драмы въ 4-хъ дѣйствіяхъ, А. Чехова, «Ива- новъ». Не признавая за этой драмой никакихъ литературныхъ достоинствъ, нашъ почтенный критикъ выразилъ, од- нако, надежду, что на сценѣ, въ блестя- щемъ исполненіи, названная пьеса, мо- жетъ быть, выиграетъ въ жизненности и рельефности. «Ивановъ» шелъ въ пят- ницу на сценѣ нашего городского теа- тра съ г. Давыдовымъ въ заглавной роли, г-жами Рыбчинской, Омutowой, Звѣревой, гг. Святловымъ, Родичевымъ, Соловьевымъ, Черновымъ въ прочіихъ роляхъ, и не смотря на такой отличный составъ штаба дѣйствующей арміи, сраженіе было проиграно на всѣхъ пунк- тахъ. Драма г. Чехова не умла, ходила и не сценича. Последнее условіе, отсутствіе сценичности, даже случивша- ясь, можно было-бы автору, однако, простить, если-бы драма его хотя намѣ- чала (хотя-бы, но послѣдовательно и опредѣленно) оскверныя черты типа, въ которыхъ талантливый артистъ, какъ въ программу, могъ-бы вложить живую че- ловѣческую душу. Къ сожалѣнію, цен- тральная фигура названной пьесы—Ива- новъ сгладилъ совершенной неопредѣ- ленностью и противорѣчіемъ, вторыхъ чуть не въ каждомъ дѣйствіи ставя въ зрителя въ тупикъ. Прежде всего, кто такой Ивановъ? Отъ чего жизнь его разбита? Почему онъ не можетъ вер- нуть себѣ душевнаго равновѣсія, энер- гіи и увѣренности? На что истратилъ онъ свои огромныя силы? Ни на одно изъ этихъ вопросовъ вътѣ никакого отвѣта въ продолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, отвѣтъ, самый неудовлетворительный и ничего не говорящій, нѣдется только въ заключительной сценѣ послѣдняго дѣй-

ствія. Объясняя отцу своей невѣсты, почему онъ отказывается отъ женитьбы, Ивановъ говоритъ ему: «Если когда-нибудь въ жизни тебѣ встрѣтится мо- лодой человѣкъ, горячій, искренній, не- глухой, и ты увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надеется за десятилетья, сражается съ мельницами, бьется лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ ввѣвалъ на себя ношу, отъ которой хрустѣтъ спина и танутся жилы, то скажи ему: «не спиши расходовать свои силы на одну только молодость, побереги ихъ для всей жизни; пьянѣй, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко наважеть тебя судьба! Ты скажи, какъ предъ тобою стоялъ тутъ человѣкъ въ 35 лѣтъ, уже изнемогшій, разочарован- ный, раздавленный своими личными подвигами» и т. д. Что авторъ хотѣлъ объяснить этимъ монологомъ, — такъ и остается неизвѣстнымъ. Ивановъ — неопредѣленное урваніе, изъ кото- рому могло-бы быть подсысано очень много рѣшеній, даже если бы оно было правильно составлено, но Ивановъ—ка- кое то странное и сѣйшае попури изъ Гамлета и палача Фролова. Въ на- чалѣ третьяго дѣйствія, его глубокое оскорбляетъ спаваніе графа Шабель- сваго, за котораго онъ несетъ нрав- ственную отвѣтственность; въ концѣ того же дѣйствія — онъ съ поразитель- нымъ цинизмомъ, неизвѣстнымъ даже и въ семейной практикѣ, говоритъ своей умирающей женѣ: такъ знай-же... ты скоро умрешь, и т. п.

Говорили, что въ Ивановѣ г. Чеховъ хотѣлъ дать современнаго намъ средня- го русскаго человѣка, для чего, между прочимъ, онъ и называлъ такой распро- страненной фамиліей. На это нельзя отвѣтить ни да, ни нѣтъ, такъ какъ неиз- вѣстно, на чемъ Ивановъ обѣсѣя: нѣ- емъ ли мы дѣло здѣсь съ простымъ си- зическимъ утомленіемъ, съ условіями общественной жизни, или личной не- состоятельностью человѣка, — Богъ его знаетъ. Одно только можно сказать за- рѣе, что средній русскій человѣкъ настоящаго времени не таковъ, онъ чув- ствуетъ себя весьма обстоятельно и по- койно, гораздо покойнѣе, чѣмъ десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Одинъ спокоенъ за свою хорошенькую жену,

другой—за дочь, которой не увлечетъ въ свое теченіе никакой бурный потокъ, третьему—ничего опасаться визитовъ какого-нибудь страстнаго и убѣжденнаго проповѣдника, который лжеть и такъ разбередитъ тебѣ нутро, что не знаешь, послѣ его ухода, что съ собой дѣлать, вѣхатъ-ли вздуть крестьянъ за снятую землю, или съѣсть за экономію Маркса, купить ли еще полтысячи десятинъ, или продать и свое на всякій случай. Если же г. Чеховъ хотѣлъ дать идейнаго русскаго человѣка въ современной обстановкѣ, то Ивановъ въ такомъ не имѣетъ никакого отношенія.

Кромѣ Иванова, въ драмѣ имѣется множество лицъ, которыя ничего не объясняютъ въ интересующемъ вопросѣ, разводятъ въ недоумѣніи руками при имени Иванова, и ни къ чему, кромѣ орпаментки, не служатъ. Самая архитектура пьесы построена въ промежуточномъ стилѣ, скучномъ, наивномъ и неуклюжемъ. Исполненіе въ общемъ было изящно и тепло, хотя нѣкоторые сцены вышли достаточно неудачно, напр., начало 2-го дѣйствія, совершенно потерявшее колоритъ, намѣченный авторомъ. Г. Давыдовъ старался всей силой своего таланта и житейскаго опыта ввинуть живаго человѣка въ амальгаму чувствъ и мыслей, соединенныхъ подъ именемъ «Иванова», но, несмотря на это, игра его была, конечно, талантлива, но въ тоже время достаточно тускла и неопредѣленна, полное объясненіе чему лежитъ, конечно, въ пьесѣ. Такъ что надежды С. И. Сычевскаго, оставившаго драмѣ послѣдній выходъ въ успѣхъ на сценѣ, не оправдались, и талантливое исполненіе московскими артистами только выдвинуло и подчеркнуло несостоятельность произведенія г. Чехова.

Донъ-Б.

<В.Л. Лашков>

1889

5.420 - В.И. - неопублик.